

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. И. ЖИНКИН

ВОПРОС И ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Первая задача изучения языковых явлений заключается в группировке и классификации фактов. Поэтому подходя к такому явлению, как вопросительные предложения, мы нуждаемся в том, чтобы установить, какое место занимают они среди других предложений и как распадаются сами на виды, подвиды и типы. Приступая к описанию, мы, конечно, должны обладать какими-то предположениями и допущениями в отношении того, что назвать предложением и его признаками, вопросом и его признаками, суждением, мыслью, желанием и т. п. Такие допущения могут присутствовать в скрытом виде. Это значит, что они лежат в самой системе описания или классификации, а не обсуждаются отдельно и специально. Если в описательной системе мы замечаем противоречия, несогласованность частей и неопределенность, то все же за неимением лучшего мы временно оставляем в силе нашу описательную систему, рассматривая ее как приблизительную. Вместе с тем мы обязаны специально пересматривать, обсуждать и перерабатывать исходные допущения. При этом может оказаться, что в результате такой перестройки мы еще не получим сразу ни новых описаний, ни новых классификаций; и все-таки мы вынуждены делать эту работу. Так именно и обстоит дело с проблемой вопросительных предложений.

В описательных грамматиках деление предложений на повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные занимает очень скромное место. Это — небольшой островок в обширной системе описываемых языковых фактов. Вместе с тем, присматриваясь к тем принципам, которые лежат в основе указанного деления предложений, и в особенности к пониманию того, что такое вопросительное предложение, мы видим, что здесь затрагиваются самые кардинальные проблемы грамматики вообще. В этом фокусе скрещивается множество общих проблем и возникают поразительные парадоксы, давно уже привлекавшие внимание всех, так или иначе занимавшихся изучением языка и речи. Пусть первоначально мы не придем еще к практическим результатам, не внесем каких-либо поправок и добавлений в главу о видах предложений, не узнаем и того, в чем сходны и чем отличны вопросительные предложения в разных языках, но мы можем получить материал для более широких выводов, имеющих значение для понимания структуры всякого предложения. Ведь именно это обстоятельство всегда и вызывало повышенный интерес к проблеме вопроса и вопросительных предложений.

Для марксистов общепризнанным является исходное положение — единство мышления и языка. Нет речи, в которой не фиксировалась бы мысль. Нет мысли, которая не закреплялась бы в речи. Вместе с тем единство языка и мысли предполагает их различие. Одни и те же языковые

средства, в зависимости от условий, могут фиксировать разные мыслимые значения. Одна и та же мысль может быть высказана на разных языках. Это общее положение заставляет искать те конкретные языковые условия, при которых возникает полная определенность мыслимых значений, что и обеспечивает взаимное понимание людей в процессе общения. Применим это общее положение к проблеме вопросительных предложений. Иначе говоря, узнаем, при каких условиях в предложении фиксируется именно вопросительное значение.

Существующая в настоящее время концепция состоит в том, что всякий раз, как перед нами находится вопросительное предложение, в нем высказывается именно вопрос. Поэтому такое предложение и называется вопросительным. Для того чтобы проверить эту концепцию, следует спросить, что же мы называем вопросительным предложением и что — вопросом. К признакам вопросительного предложения обычно относят наличие в нем: специальных слов (частиц, союзов), определенного словорасположения и особенно специфической интонации. Под вопросом разумеют один из видов цели общения, а именно: побуждение собеседника ответить на обращенную к нему речь. Если принять эти определения, тогда окажется, что значительная группа вопросительных предложений не содержит в себе значения вопроса. К этой группе относятся, во всяком случае, так называемые риторические вопросительные предложения. Они обладают всеми признаками вопросительных предложений, но совершенно не содержат побуждения собеседника к ответу. Подобные случаи просто записываются как факт в соответствующих местах описательных грамматик. Но констатация факта еще не решает проблемы. Остается неясным, при каких условиях вопросительное предложение в одних случаях обозначает вопрос, а в других — утверждающее или отрицающее сообщение. Больше того, эти факты должны вызвать величайшее беспокойство за судьбу описания видов предложений. Ведь с самого начала было предположено, что вопросительное предложение только побуждает к ответу, а повествовательное уже сообщает суждение. Между этими видами предложений была положена резкая грань. Факты противоречат допущениям. В теоретическом допущении, лежащем в основе описания, не была предусмотрена задача — вскрыть механизм перехода в предложении при известных условиях вопросительного значения в утвердительное. Да еще неизвестно, как само это вопросительное значение (в каком бы предложении оно ни было заключено) соотносится с утвердительным значением сообщения. Описание было начато при очень неопределенных допущениях, а встретившийся в действительности факт, противоречащий им, был просто констатирован, но не объяснен.

Риторические вопросительные предложения не требуют ответа, потому что они сами в себе содержат этот ответ в виде утверждающего или отрицающего сообщения. Оставив пока в стороне проблему о механизме этих превращений, обратим внимание на то, что, кроме риторических, есть еще и другие вопросительные предложения, которые также не требуют ответа, но вместе с тем не содержат в себе и открытого сообщения. Возьмем такой диалог: [Первый] *Вот здесь-то он и попался.* [Второй] *Ишь ты! Попался?* В последней реплике налицо однословное вопросительное предложение с ярко выраженной вопросительной интонацией. Однако здесь выражена лишь чрезвычайная заинтересованность сообщением, и только. Говорящий не спрашивает, не переспрашивает и тем более ничего не сообщает. Ведь он только что принял это сообщение. Аналогично в таком высказывании: *Ах ты так? Вон как? Значит ты драться?* — все три вопросительных предложения пусты как вопросы; говорящий не ожидает ответа; вместе с тем трудно принять их за утверждения, хотя бы и ритори-

ческого характера. Ср. также у Чехова («Разговор человека с собакой»): *А-а-а-а!... ты кусаться?*, или: *Так! Мерси, Жучка... или как тебя?* Последнее: *как тебя?* при наличии вопросительной интонации, конечно, не является вопросом не только потому, что разговор ведется с собакой. Смысл реплики в том, что говорящему безразлично, как зовут того, к кому он обращается — Жучка или иначе. Поэтому ответ не нужен. В контексте «Левого марша» Маяковского предложение *Кто там шагает правый?*, хотя и является вопросительным, но было бы нелепо признать в нем выражение вопроса и соответственно ожидать ответ: *Я шагаю*, или: *Он шагает*. Здесь нет и никакого открытого сообщения. Это требование переменить ногу. В строках Лермонтова: *Что ж? веселитесь... он мучений Последних вынести не мог* («Смерть поэта») вопросительное *что ж?* содержит вызов, а не вопрос и не сообщение.

Таким образом, оказывается, что в вопросительных предложениях могут содержаться и пересекаться как значения вопроса, так и утверждающего сообщения, а также значения чрезвычайно разнообразных видов побуждения к действию и значения состояний. Согласно же традиционной концепции, трем определенным видам предложения точно и неизменно соответствуют три аналогичных значения как цели общения.

Так как в традиционном описании вопросительные предложения включаются в классификацию, то следует обратить внимание и на два другие вида предложений — повествовательные и побудительные. Любое нечто может быть выделено из всего остального и названо. Может быть выделен лексически и сам вопрос как вопрос. При этих условиях предложение типично повествовательной конструкции будет содержать в себе значение вопроса. Так, например, предложения: *Я прошу вас рассказать о возможности существования жизни на Марсе*, или: *Таким образом, возникает вопрос о существовании жизни на Марсе*, лишенные признаков, присущих вопросительным предложениям, совершенно эквивалентны по значению вопросу: *Существует ли на Марсе жизнь?* То же самое и в таких типах повествовательных предложений, как: *Я хотел бы узнать ваш адрес*. Несмотря на повествовательную конструкцию предложения, здесь явно выражено побуждение собеседника к ответу. С другой стороны, в предложениях повествовательных может быть не высказано в открытой форме утвердительное или отрицательное сообщение с претензией на истинность. Сюда относятся, например, назывные предложения. Когда родители нарекают своего сына Васей, а дочь Катей, они не выносят ни истинного, ни ложного суждения. Истинность или ложность возникает после наречения, когда кто-либо Васю или Катю назовет иначе. Предложение *Назовем эту величину А* по значению является пригласительным, или призывным. Мы призываем согласиться с нашим наименованием и лишь после этого на основе номинации в дальнейшем употреблении может возникнуть предикация.

Аналогичная картина наблюдается, если мы обратимся и к побудительным предложениям. Предложение *Принеси стол* является побудительным. Предложение же *Иван Иванович приказал принести стол* по конструкции должно быть признано повествовательным. Однако, если его взять обособленно от контекста или ситуации, то по значению оно будет неопределенным и ни в какую рубрику не попадает. Если же его рассматривать в ситуации, в которой кто-либо передает приказ от третьего лица, — *Иван Иванович приказал то-то*, тогда слушающий примет такое высказывание только как приказ, а не как сообщение о том, что сделал или сказал Иван Иванович. В другой ситуации, когда говорящий рассказывает кому-либо о том, что сделал Иван Иванович, то же предложение, конечно, будет обладать значением раскрытого сообщения. Предложение *Когда же, наконец,*

ты принесешь стол? по всем признакам должно быть отнесено к вопросительным, хотя в определенной ситуации оно не рассчитано на ответ, а является побуждением к действию.

Обращает на себя внимание и еще одно явление. Принято считать, что если в предложении, каким бы сложным оно ни было, есть хотя бы одно слово, находящееся под вопросительной интонацией, то и все предложение в целом является вопросительным. Однако, если в одной части сложного предложения читается утвердительная интонация, а в другой части — вопросительная, то вполне логично было бы признать, что здесь имеет место какая-то компликация, слияние двух видов значений. В предложении *Если вы сегодня уедете, то когда же возвратитесь?* в первой части отчетливо слышна условно-утвердительная интонация, во второй части — вопросительная. В предложении *Не лучше ли нам перейти в другую комнату, а?* только одно *а* находится под вопросительной интонацией, вся же остальная часть говорится с совершенно особой интонацией, побуждающей принять предлагаемый переход. Однако, действительно, первое приведенное предложение в целом требует ответа. Второе может вызвать или ответ, или молчаливое согласие, или протест. Но возможен и третий случай: *Вы говорите, что-то придумали, да? а на самом деле вы ничего не придумали.* Здесь первая часть полувопросительная, полуутвердительная; на *да* развешивается вся сила вопросительной интонации, последняя часть предложения является отрицанием, в целом же на все высказывание ответ не ожидается. Ответа нет и у самого говорящего, так как он отрицает не то, о чем спрашивалось, а то, что полуутверждалось в первой части предложения.

Следовательно, те внешние признаки предложения, которые были приняты за исходные в традиционном описании, оказываются недостаточными для того, чтобы по ним определить передаваемое в процессе общения значение. В результате такое описание неполно, предвзято; оно не только намеренно обходит и не объясняет ряд трудных случаев, но даже и не замечает многих из них. Вместе с тем в процессе общения мы понимаем все эти оттенки значений, язык обеспечивает их взаимную передачу. Больше того, все разнообразие конструкций предложений, как и других языковых средств, предназначено именно для того, чтобы добиться передачи этих мыслимых значений. В традиционной концепции были выделены основные нити, но не было показано, как все они вместе составляют живую ткань речи.

Надо заметить, что кратко и далеко не полно изложенная выше критика традиционных делений предложений не нова. Едва ли найдется такой грамматист, который был бы вполне удовлетворен существующими классификациями. Спрашивается, почему же при решении этой проблемы сложилось такое своеобразное сочетание неудовлетворенности и вместе с тем опасения за исход освобождения из плена обычных представлений? Дело в том, что частная проблема о вопросе тянет за собой более общую и сложную проблему предложения вообще. Сама же проблема вопросительных предложений подпала под влияние аристотелевской концепции. Эта концепция пленяет своей обаятельной ясностью, убедительностью и классической простотой. Всякая речь, по Аристотелю, что-либо обозначает, но не всякая утверждает. Вопрос или мольба — это речь, но в них ничего не утверждается и не отрицается, поэтому в них нет ни истины, ни лжи. Кажется, что в этом разъяснении раз и навсегда, отчетливо и просто решена не только проблема вопроса, но и соотношение мышления и языка, суждения и предложения. После этого и стали логики и грамматисты на протяжении столетий переписывать из учебника в учебник, что в предложениях повествовательных содержится суждение, а в других предложениях — по-

будительных или вопросительных — уже нет никаких суждений. Там содержится желание получить сообщение. При этом, очевидно, предполагается, что в предложении каким-то образом заключено само желание, а не суждение о моем желании.

Аристотелевская традиция сохранила силу до настоящего времени. Ей почти никто не противоречил. Единичные попытки Больцано и Эрмана¹ исправить Аристотеля не были приняты и не изменили положения дела. Это и понятно, так как сами логики меньше всего страдали практически от последствий признания этой традиции. Пусть даже будет доказано, что в вопросе есть какие-то элементы суждения, есть какая-то доля сообщения, все равно изучать законы строения суждения лучше всего на таких случаях, в которых суждение дано во всей его полноте, со всеми его характерными признаками, в его полном виде. С этой именно целью логики обычно намеренно игнорируют конкретную систему языковых средств или отвлекаются от нее. Они исключают, как лишнее для их анализа, все второстепенные члены предложения, словопорядок, модальные и экспрессивные компоненты предложения и оставляют вполне достаточную для логического анализа схему — *S* есть *P*. Языковед ки может встать на этот путь. Для него каждое слово в предложении, всяней компонент конструкции — это факты языка. Любая перефразировка, логически эквивалентная первой, для языковеда новый факт. При этом должны быть учтены как эквивалентность, так и возникающее различие. В живом контексте речи уже нет синонимов. Эквиваленты значений слов учитываются лишь в словарных списках, да и то со ссылками на возможные контексты. Таким образом, то, что безвредно для логики, пагубно для языковедения. Возникает задача — дать полный отчет о сложившемся положении.

Аристотелевское положение — всякая речь обозначает, но не всякая утверждает — ложный парадокс. Там, где только одни обозначения, только наименования, — нет еще речи. Речь — это не куча и не ряд имен, названий, обозначений, а закономерно оформленное сочетание обозначений. Закономерность грамматического оформления и придает, как известно, языку стройный, осмысленный характер. Речь только там, где мысль. Следовательно, и в вопросе передается мысль. Вопросающий должен что-то полагать, допускать, выделять, связывать, разъединять, предполагать о действительности, для того чтобы на его мысль получился ответ. В противном случае нет никакого смысла заводить речь. В вопросе должно быть такое полное содержание, которое имело бы смысл передавать другому. Иначе, что бы делал этот другой при ответе? Он говорил бы невпопад. Вопрос — это двусторонняя передача мысли. Традиция отбрасывает одну из сторон, тогда вопрос перестает быть фактом речи. И все-таки кажется, что вопрос — это одно, а мысль и суждение — другое. Вопрос, может быть, и есть мысль, но не является видом суждения. А главное, ведь вопрос все-таки не утверждает, иначе зачем же было бы спрашивать, а суждение утверждает. Но, может быть, существуют разные градации утверждений? Допуская или предполагая что-то, я утверждаю не так, как в том случае, когда определяю или делаю вывод. Все эти проблемы остаются неясными до сегодняшнего дня. Нерешенность их вызывает ту мучительную двойственность в отношении к традиции, о которой упоминалось выше.

Советская логика сделала большой шаг вперед, расшатав аристотелевскую традицию. Но это дело еще не доведено до конца. В работах П. С. Попова и П. В. Таванца уже нет резкого противопоставления вопроса

¹ См.: B. Bolzano, *Wissenschaftslehre, Versuch einer ausführlichen und grösstentheils neuen Darstellung der Logik*, Bd. 2, Sulzbach, 1837, § 145, стр. 71; B. Erdmann, *Logik*, Bd. I, 2-e Aufl., Halle, 1907, стр. 265, 389.

(и вообще побуждающих высказываний) суждению и сообщению. П. С. Попов признает, что «вопросительное предложение в каком-то смысле примыкает к суждению — их объединяет то обстоятельство, что и та и другая форма выявляют сообщения; объединяет и то, что и то и другое (и вопрос и суждение) отливается в форму предложения. И все же вопрос есть вопрос, а суждение есть суждение»¹. Признание того, что вопрос и суждение выявляют сообщение, конечно, расшатывает аристотелевскую традицию. Однако дальше² П. С. Попов берет обратно свой тезис или, во всяком случае, чрезвычайно ослабляет его силу. Он приходит к выводу, что только в суждении есть непосредственное отражение кусочка действительности, если же мы «запрашиваем этот кусочек о подлинном его составе», то это будет вопрос, в котором уже нет непосредственного отражения действительности.

Так, ускользнув от традиции в одном пункте, мы снова попали в ее плен в другом — наиболее существенном. В суждении *Чай налит* есть отражение действительности. Каким же образом включившаяся интонация вопроса *Чай налит?* сразу уничтожила всякое отражение? Разве спрашивающий ничего не выделяет в действительности, не имеет никаких понятий о ней, не сообщает в своем вопросе с достаточной определенностью? Ведь он спрашивает *Налит ли чай?*, следовательно, допускает возможность, что чай не налит, а это уже допускающее утверждение. Кроме того, он спрашивает *налит ли*, а не — *растет ли чай*; *налит*, а не *заварен* и т. п. Но самое главное состоит в том, что вопрошающий сообщает совершенно определенное суждение о своем желании: *Я хочу узнать у вас о том-то*. Может быть, пить этого чаю он не желает, но узнать о том, налит ли чай, хочет. Указанное суждение содержит вопрос, так как говорящий, обращаясь к собеседнику, ждет ответа, хотя сказанное предложение не является вопросительным. Суждение *Чай налит* отражает часть действительности; суждение *Я желаю у вас узнать, налит чай или нет* тоже отражает действительность, но уже другую ее часть. Оба эти суждения как суждения ровно ничем не отличаются друг от друга. Желание — тоже часть действительности. О нем также может быть высказано суждение. Мнение же о том, что в вопросительном предложении не высказывается суждение о желании, а содержится само желание, было бы совершенно абсурдно.

Таким образом, различие выражений *Чай налит*, *Чай налит?*, *Я желаю узнать у вас то-то* — не в том, что в первом и последнем случаях есть суждение, а во втором случае его нет. Во всех этих случаях есть суждение. Различие этих высказываний заключается в особенностях предложений. При эквивалентности мысли предложения могут быть различны. Возникает задача узнать, какую же функцию выполняют разные конструкции предложений. Зачем они нужны, если ничего не меняют в составе высказываемой мысли. Они несомненно меняют мысль. Но конструкция предложения сама по себе бессодержательна. Казалось бы, она ровно ничего не может прибавить от себя к содержанию мысли. Однако она может перестроить взаимосвязь и систему тех суждений, которые высказываются в предложении, и тем самым изменить содержание мысли. Вся проблема, таким образом, сводится к изучению способов и средств таких перестроек. Но эта проблема лежит за порогом логики, так как логика с самого начала из разных предложений, отвлекаясь от их конструкций, поставила перед собой задачу — выбирать только эквиваленты суждений.

Однако прежде чем обсуждать вопрос о функциях конструкции предложений, следует подчеркнуть некоторые детали. Идею о том, что в во-

¹ П. С. Попов, Суждение и предложение, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», под ред. В. В. Виноградова, М., 1950, стр. 18.

² См. там же, стр. 20, 21.

просах и повелениях содержится утверждение, высказал Х. Зигварт. Эта парадоксальная мысль резко противоречит аристотелевской традиции. Зигварт бросает ее мимоходом и не дает ей никакого применения, но она любопытна. «Желательное наклонение, — говорит Зигварт, — заключается в себе утверждение, что он (говорящий. — Н. Ж.) желает высказанного. Но утверждение это заключается в факте процесса речи, а не в содержании высказанного»¹. Зигварт хочет сказать, что в самом факте речи заключено следующее утверждение: *Я говорю о чем-то*. В этом отношении Зигварт прав: нельзя, говоря, ни о чем не сказать. Тогда это была бы не речь². Но дело не только и не столько в факте речи, сколько именно в ее содержании. В одном случае я говорю о чае, в другом — о своем желании узнать о том, что чай налит; это, конечно, разное содержание речи. Дальше Зигварт говорит о том, что утверждения, присущие факту речи, присутствуют в любом виде речи, поэтому они не могут обосновать отличия тех или иных предложений (подчеркнуто нами. — Н. Ж.). Этот вывод уже неверен. Высказывания *Чай налит* и *Чай налит?* следует рассматривать как различные факты речи. В обоих случаях я, конечно, говорю, но говорю по-разному и высказываю разное содержание. Само же по себе утверждение *Я говорю* уж очень пусто. Таких утверждений в момент применения речи много — *я живу, я шевелю языком, я смотрю, думаю и т. п.*, но из этих утверждений нельзя сделать никакого применения. Реальный же факт заключается именно в различии предложений. Когда П. С. Попов в цитированной выше статье утверждает, что суждение и вопрос объединяются тем, что оба они отливаются в форму предложения, то для хода рассуждения П. С. Попова в данном случае не существенно различие предложений. Тогда вся проблема вообще теряет смысл, так как только из различия предложений можно узнать различие высказанных в них мыслей. Бросающийся в глаза факт состоит в том, что при переходе от мысли, высказанной в данном предложении, к эквивалентной ей приходится перестраивать предложение. При сохранении части мысли — другие ее компоненты перестраиваются в меру перестройки предложения. Следовательно, весь вопрос именно в различии предложений.

Значительный сдвиг традиционных представлений производится и в работе П. В. Таванца «Суждение и его виды». По мнению П. В. Таванца, суждение и побуждение относятся к категории мысли и сходны в трех отношениях: 1) то и другое выражается в предложении; 2) то и другое имеет предметный характер; 3) то и другое может быть правильным или ложным. Признание последних двух пунктов сильно расшатывает установившуюся традицию. Однако тотчас же П. В. Таванец восстанавливает ее снова. Побуждение, говорит он, в отличие от суждения непосредственно не утверждает (и не отрицает) что-либо. П. В. Таванец думает, что в предложении *Иванову велено закрыть дверь* уже не выражается побуждение. Это наблюдение неверно. Если повеление передается от третьего лица Иванову, то это предложение он может понять только как побуждение закрыть дверь, а не как рассказ о том, что какому-то Иванову велели закрыть дверь. Это значит, что и в повествовательном предложении может быть передано побуждение. Предложение из известной басни Крылова *Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек* нелепо было бы понимать как констатацию фактов восприятия. В контексте басни — это побудительное предложение. Демьян угощает Фоку, а не показывает, где лещик, где потроха и где стер-

¹ Х. Зигварт, Логика, перевод с 3-го посмерт. нем. изд. И. А. Давыдова, т. I, СПб., 1908, примеч. 2, стр. 425.

² Вместе с тем Зигварт становится здесь на опасный путь. Если в процессе речи содержится суждение *Я говорю*, то ведь и это суждение — тоже речь. Следовательно, в ней еще раз содержится новое: *Я говорю*, и так до бесконечности.

лядь. Как указывалось выше, возможен другой случай: *Иванов! Закроешь ты, наконец, дверь или нет?* Это предложение вопросительное, хотя в нем и не содержится вопроса, так как говорящий не ожидает ответа, а требует немедленного выполнения повелеваемого действия. Следовательно, повеление может быть высказано и в повествовательном, и в вопросительном предложениях. Наконец, в собственно побудительных предложениях высказывается утверждение. П. В. Таванец сам признает, что в предложении *Закройте дверь* заключено утверждение о том, что дверь не закрыта. Иначе бессмысленно было бы требование ее закрыть. Вполне возможна такая ситуация разговора, когда слушающий на обращение *Закройте дверь* скажет: *А я не знал, что она открыта*. Следовательно, он понял переданное ему утверждение.

Несомненно, суждение *Дверь не закрыта*, содержащееся в предложении *Закройте дверь*, передается в этом последнем несколько иначе, чем в предложении *Дверь не закрыта*. Тогда снова встает та же проблема о механизме предложения, способного перестраивать соотношение фиксированных в нем суждений. Что же касается самих, как говорят, скрытых, или имплицитных, суждений, то они именно как суждения ровно ничем не отличаются от всяких других раскрытых суждений. Поэтому П. В. Таванец не вполне прав, когда старается найти в части истинности и ложности различие между скрытыми суждениями в повелительных предложениях и открытыми в повествовательных. Для того, чтобы выяснить истинность суждения *Высота N не взята нашими войсками*, говорит П. В. Таванец, надо узнать, взята или не взята эта высота. Для решения же вопроса о правильности суждений в побудительном предложении *Взять высоту N*, кроме этого, необходимо еще узнать, целесообразно ли брать высоту *N* и способна ли данная воинская часть взять ее¹. Однако это наблюдение П. В. Таванца неточно. То же предложение в контексте *Высота N не взята, так как не подошли еще подкрепления и не занято поле К.*, оставаясь предложением повествовательным, а не побудительным, содержит в себе суждения о способности войск взять высоту и целесообразности брать ее. Следовательно, для проверки и этого высказывания необходимо установить истинность входящих в него суждений. Различие повествовательных и побудительных предложений состоит не в том, что входящие в них суждения проверяются по-разному. Всякое суждение проверяется одним способом — через установление соответствия его действительности. Различие в том, что состав и система суждений в разных типах предложений не одинаковы. При переходе от одного типа предложения к другому часть суждений сохраняется как эквивалентные, а часть появляется или пропадает, вследствие чего и меняется их взаимоотношение и система. Вот почему трудно согласиться с конечным выводом, к которому приходит П. В. Таванец: «...побуждение нельзя рассматривать в качестве разновидности суждения. Побуждение есть особая разновидность мысли»². Конечно, побуждение — не вид суждения, но и не разновидность мысли. Логика до сих пор ничего не могла сказать об этой разновидности мысли, хотя по своей задаче и занимается изучением видов мысли, законов ее строения и сочетания. Больше того, логика с порога отстранила от себя изучение побудительных и вопросительных высказываний.

Из вышеизложенного следует, что побудительные, вопросительные и другие типы высказывания — это разновидности процесса речевого общения. В каждой речи сообщается мысль. Эта мысль сложная (даже в самом простом предложении). В ней целая система взаимозависимых суждений.

¹ См. П. В. Таванец, Суждение и его виды, М., 1953, стр. 27.

² Там же.

Для того чтобы выразить эту именно систему мысли, она фиксируется в разных конструкциях предложений и связи этих предложений. В результате речь приобретает разные виды воздействия на людей, возникают разновидности процесса общения, появляется действие, которое совершает человек, когда говорит, — речевое действие.

Итак, необходимо различать следующие явления: 1) мысль или систему мыслей, высказанных в предложении или системе предложений; 2) конструкцию предложений, т. е.: а) словопорядок (имея в виду разнообразные виды морфолого-синтаксических сочетаний слов в предложении), б) наличие особых слов или форм, специфических для данной конструкции (например, вопросительных местоимений, частиц, наклонений глагола и т. п.) и в) интонацию предложения; 3) речевое действие, т. е. то, что человек делает, когда говорит, — излагает, спрашивает (чтобы получить ответ), требует (чтобы было выполнено какое-либо действие) и т. п. Каждое из этих явлений, указанное под номерами 1, 2, 3, своеобразно и не сходно с другими. Весь ряд не является классификацией и не может быть подведен под какое-либо родовое понятие. Действительно, мысль является отражением действительности, конструкция же предложения никакой действительности не отражает — это лишь средство фиксации мысли. Речевое действие — это конкретный, неповторимый акт общения, тогда как мысль повторима и воспроизводима, а конструкция предложения не конкретна, а обща и стандартна. Несмотря на все различие этих явлений, они, взятые вместе, составляют систему, соотношение звеньев которой образует разнообразие средств речевого общения. В этой статье нет возможности сколько-нибудь полно вскрыть разные случаи взаимоотношения звеньев интересующей нас системы. Можно наметить лишь самые общие контуры.

Прежде всего, обратим внимание на классическую проблему атрибутивных и предикативных образований. В чем особенности таких трех словесных образований: а) *хороший человек пришел*; б) *человек хорош*; в) *хороший человек*. В первых двух образованиях наличествует сообщение в утверждении о действительности, в третьем этого нет. Почему это происходит? Заметим, что в первом случае (а) утверждается не только то, что человек пришел, но и то, что он хороший. Правда, в этом изолированно взятом словесном образовании еще не ясно, что именно является главным в утверждении и что дополнительно подразумеваемым и допускаемым, но не являющимся целью сообщения — то ли, что этот человек хороший, или то, что он пришел. Однако, если мы учтем интонацию и заметим, что логическое ударение падает, например, на слово *пришел*, тогда станет ясным, что целью сообщения является именно этот предикат, а *хороший* останется атрибутом. Этот атрибут не является целью сообщения, так как он заранее предполагается как известный обоим говорящим. Смысл высказывания таков: *Тот хороший человек, о котором мы знаем или раньше говорили, вот этот человек и пришел*. Вместе с тем атрибут *хороший*, конечно, является признаком этого человека. Этот признак утверждается и признается обоими говорящими как принадлежащий данному человеку. Таким образом, этот атрибут *хороший* в конечном счете тоже предикат, только не являющийся целью данного сообщения. Следовательно, можно считать, что здесь два вида предикатов — один главный, первого порядка, другой — второстепенный, второго порядка.

Теперь обратим внимание на третье словесное образование: *хороший человек*. Здесь присутствует только предикат второго порядка. Если нет предиката первого порядка, то нет и цели сообщения. Такое словесное образование хотя и обозначает, т. е. содержит слова, но ни о чем не говорит; это еще не речь. Однако об отсутствии предиката первого порядка в дан-

ном случае мы не можем судить ни по форме слов, ни по словопорядку. Необходимо выяснить характер речевого действия, что может быть обнаружено из контекста и интонации предложения. Анализируемое словообразование (в) может приобрести предикат первого порядка, если появится цель сообщения и соответственно речевое действие, например: *Какой по-вашему это человек?* Ответ: *Хороший человек*. Здесь в ответе уже нет различия между атрибутом и предикатом.

Но есть еще один случай, когда то же самое словесное образование (в) — *хороший человек* может превратиться в речь. Случай этот удивителен потому, что в возникающей речи не только не появляется предиката первого порядка, но, наоборот, он нацело уничтожается. И все-таки речь преследует определенную цель и совершается определенное речевое действие. Это случай вопроса: *хороший человек?*; *человек хорош?* Здесь налицо цель общения, это побуждение к ответу, это речь, речевое действие. Но здесь нет предиката первого порядка. Спрашивающий не утверждает и не отрицает признака *хороший* по отношению к *человеку*. Следовательно, наряду с операцией усиления и ослабления предиката, т. е. перехода его в тот или иной по иерархии порядок, возможна еще операция снятия главного предиката, отказа от него при сохранении предикатов низших порядков. Это такая же необходимая операция, как и признание предиката. Она необходима для взаимного понимания в процессе обмена мыслями. Говорящий старается по возможности точно определить сферу того, что одинаково, по его мнению, признает и он, и собеседник. Для этого в речь вводятся предикаты низших порядков. Говорящий, кроме того, сообщает в предикате первого порядка то, о чем, по его мнению, слушателю не было известно. Но есть кое-что такое, что неизвестно и самому говорящему. Тогда он старается добиться ясности и в этом пункте. Он снимает главный предикат и тем самым побуждает слушателя или найти его, или утвердить предлагаемый ему претендент на предикат (в первом случае: *какой человек?*; во втором: *человек хорош?*). Вопросительная речь достаточно определена, т. е. содержит понятные для слушателя как подразумеваемые суждения, так и область снятого предиката. Побуждение возникает в той части речи, в которой снят предикат первого порядка. Так, в высказывании *А этот человек, о котором не сегодня, а вчера мы с вами говорили, хороший?* слово *вчера* является предикатом второго порядка, слова *о котором мы с вами говорили* — предикат третьего порядка, слово *хороший* — снятый предикат. Так как предиката первого порядка нет, то все предложение в целом является побуждающим к ответу, т. е. вопросительным. Средством, при помощи которого достигнуто снятие предиката, является интонация слова *хороший*. Интонация первой части предложения до этого слова является утвердительной и повествовательной. Она останется той же, если ввести в конец предложения предикат первого порядка — *совсем не хороший*. Больше того, слово *хороший* в вопросительном предложении обладает таким же логическим ударением, как и всякий предикат первого порядка в повествовательном предложении. Снятие предиката достигается не динамикой ударения, а повышением основного тона на этом слове.

Таким образом, наблюдаемые изменения происходят в структуре предложения. В результате этого перестраивается система высказанных суждений и речевое действие приобретает конкретную определенность. Разнообразие этих изменений образует разнообразие способов речевого общения в зависимости от цели общения и соответственно разнообразие речевых действий. В этих изменениях особенно примечательна роль интонации. Во всем предложении в целом всегда что-либо утверждается или отрицается по мере градации предикатов и их снятия.

Предложение в целом — это сплав разных степеней утверждения. Надо признать, что утверждение имеет степень. Вопросительное предложение в целом — это сплав утверждений одного ряда и отказов от утверждений другого ряда. Таково предложение в целом, а вот интонация может быть только утвердительной, только вопросительной, приказательной, просительной и т. п. Нельзя одновременно сказать *да* вопросительно и утвердительно.

В этом свойстве интонации — корень многих недоразумений. Найдя в целом предложении элемент вопросительной интонации, полагают, что в предложении уже нет никаких утверждений, что неверно. Интонация подвижна. В одной части предложения она одна, а в другой — другая. Она заведует только усилением, ослаблением и снятием предикатов, само же содержание заключается в словах, а не в интонации. Поэтому, например, отрицание не может быть выражено интонацией. Отрицательной интонации не существует. Предложение *Я не приду* произносится с утвердительной интонацией. Поэтому же ответ *Спасибо* на какое-либо приглашение или предложение требует лексической расшифровки: *спасибо* — «да» или *спасибо* — «нет». Однако при усилении степени снятия предиката может появиться отрицание. *Хорош ли он?* — это первая степень снятия предиката; *И после этого вы думаете, что он хорош?* — усиленная степень снятия предиката. В первом случае просто снят предикат; при этом сохраняется возможность и его утверждения, и отрицания. Во втором случае снят ранее утверждавшийся предикат, поэтому остается только одна возможность его отрицания. Сама же интонация является вопросительной, а не отрицательной. Логический эквивалент высказанного суждения может быть выражен в предложении с отрицанием и утвердительной интонацией — *Он не хорош*.

Итак, механизм взаимоотношения трех звеньев, организующих виды речевого общения, держится на предикативном каркасе. Путем усиления, ослабления и снятия предикатов этот каркас обростает живой плотью и кровью убеждения, признания, отклонения, надежды, сомнения, опасения, т. е. всяческой модальностью. Вся эта система высказанного в ее полной конкретности, т. е. контексте, составляет речевое действие. Понять речь — это значит уловить систему и сплав утверждений и полуутверждений, вопросов и полувопросов и т. п. *Поведай: набожной рукою Кто в этот край тебя занес? Грустил он часто над тобою? Хранишь ты след горючих слез.* (Лермонтов, Ветка Палестины). Здесь в первом вопросительном предложении одновременно и утверждается, что кто-то занес (ветку) в этот край набожной рукой, и вопрошается — *Поведай: кто это?* Два другие предложения являются полуутверждениями, полувопросами, так как спрашивается только *ча* *ст* *о* *л* *и* *г* *р* *у* *с* *т* *и* *л* *и* *х* *р* *а* *н* *и* *ш* *ь* *л* *и* *с* *л* *е* *д*, а о том, что грустил и слезы были, об этом утверждается.

Как расстановка предикатов по содержанию, так и вид речевого действия являются предметом понимания. Это можно иллюстрировать на анекдоте о глуховатых любителях рыбной ловли. *Вы что, рыбку ловить? Да нет. Я рыбку ловить. А а а! А я думал — вы рыбку ловить.* Вопросительная интонация первой реплики была услышана собеседником. Последний понял речевое действие как вопрос. Побуждение к ответу достигло цели, второй говорящий отвечает. Однако предметно-предикативное содержание первой реплики не было понято по недослышке. Ответ дается не попадая на другой по содержанию вопрос. Из этого ответа первый говорящий понял только часть содержания, а именно — первое отрицательное суждение (*Да нет*). Поэтому, в целях оправдания заданного им ранее вопроса, он перефразировал вопросительное предложение, переведя содер-

жащееся в нем допущение в категорическое утверждение (третья реплика). Возникшее речевое действие может быть названо самооправданием.

Заканчивая, можно наметить две группы выводов.

К первой относятся некоторые требования для соблюдения большей точности при описании разбираемых явлений. Если вопросом мы называем такое высказывание, которое побуждает собеседника к ответу, то это значит, что мы определяем вопрос по признаку речевого действия. Тогда риторический вопрос не может быть отнесен к этой категории, так как говорящий не задает вопроса и не ожидает ответа. Необходимо заново определить, какое именно речевое действие возникает в данном конкретном риторическом высказывании. Средством для решения этой задачи является разбор контекста, по которому достаточно хорошо определяется интонация. При этом следует иметь в виду, что вопросительная интонация в риторическом или ироническом высказывании будет ослаблять утверждение или переводить утверждение в отрицание и наоборот. Если речевое действие лексически обозначено, т. е. названо (*Я спрашиваю вас о том-то*), то предложение теряет вопросительную интонацию, а речевое действие, по обстоятельствам, или сохраняет вид вопроса, или модифицируется в упрек, требование и т. п. Если предложение включает достаточно большую группу слов, то вопросительная интонация охватывает одно или ограниченное число слов. Остальная часть предложения облекается в другие интонационные формы. При этих условиях возможны разные виды речевых действий. Так, если предикат первого порядка снят вопросительной интонацией, то возникает речевое действие вопроса. Если же предикат первого порядка остается, то речевое действие модифицируется в зависимости от контекста (*Я-то приду, а вот вы? — не знаю*). Если утверждение или отрицание падает на сказуемое, а вопросительная интонация на другие члены предложения, то возникает полувопрос, полуутверждение (*Грустил он часто? Он приехал с сестрой?*). В таком случае спрашивающий побуждает к ответу только в вопросительной части предложения, а отвечающий может отрицать и утверждение (*Он совсем не грустил; Он еще не приехал*). Эти выводы первой группы, конечно, далеко не полны и намечают лишь возможный путь для необходимых исправлений обычных описаний соответствующих речевых фактов.

Вторая группа выводов может быть сформулирована еще менее полно, так как возникающие здесь проблемы очень сложны. Вопрос — это не разновидность мысли, а разновидность речевого действия, разновидность общения посредством речи. Между прочим, в этом пункте Аристотель был совершенно прав. Он не относил вопрос и мольбу к категории мысли, а причислял их к виду речи. Ошибка же состояла в том, что он не понимал единства языка и мысли, поэтому полагал, что в некоторых видах речи вообще пропадают всяческие суждения и утверждения. В действительности же средствами языка и именно в структуре предложения в разных видах речи перестраивается система высказанных суждений. В вопросительном предложении, как и во всяком другом, сообщается целая группа суждений. Но так как вопросительная интонация может снять предикат первого порядка, то меняется соотношение высказываемых суждений. Именно потому, что предикат первого порядка снят, вопросительная речь вынуждает искать этот предикат, т. е. требует ответа.

Сравнительный анализ вопросительной речи и других ее видов позволяет вскрыть механизм перехода одного вида речи в другой. Он состоит в усилении одних предикатов и ослаблении других. Подобно тому как можно говорить о слабых и сильных слоговых позициях в слове, можно заметить слабые и сильные предикативные позиции в предложении. Побудительные предложения, в том числе и вопросительные, являются частным случаем

ослабления предиката первого порядка. Расстановка предикатов по градациям достигается разными синтаксическими средствами — отбором слов, словопорядком и особенно интонацией. Иногда эта задача решается только интонацией (*Он ушел; Он ушел?*). Отсюда вытекает, что если в записанном тексте интонация не дана, то и не понята расстановка предикатов. Однако ход мысли, т. е. система взаимоподчиненных и сочиненных предикатов, не кончается в одном предложении, а переходит в другие. Поэтому понять интонацию данного текста можно лишь разобрав предикативную систему в группе предложений. В результате этого выяснится модальная роль сцепления предложений и будет определено речевое действие в отрезке речи и в его составных частях. Наблюдения в области группировки предикатов по ходу мысли могут служить материалом для решения проблемы членения речи на предложения. В системе предложений текста происходит такая же градуировка предикатов, как и в предложениях простых, распространенных и сложных. Во всех этих случаях принцип тот же, различна лишь техника. Ее изучение дает возможность перекинуть мост через пропасть между грамматикой и стилистикой.